

Дэн проснулся с какого-то страшного бодуна. Он встал, прошел к столу и тяжело сел. Бледный, взъерошенный. Поискал сигареты, их нет. Достал из пепельницы длинный бычок в помаде, внимательно осмотрел его, зачем-то понюхал, положил обратно.

— Горе, я, кажется, сейчас умру, — сказал он.

— Что, плохо тебе? — спросил я участливо.

— Не то слово. Причем не так физически, как психически. Какая-то адская депрессия. Хочется немедленно повеситься.

— Это грех! Знаешь ли ты, что самоубийц не положено хоронить в пределах кладбища?

— О боже, да иди ты... Пива не осталось?

— Нет. Но есть чай. Хочешь сделаю?

— Валяй.

Я приготовил брату чай, заварил свежий, черненький, крепенький, как он любит.

Он отпил глоток. Потом еще. Допил чашку, налил еще. Его немного отпустило. Он вытащил из пепельницы окурочку с помадой и закурил.

— Фу-у-у, — сказал он, откинувшись на стуле.

— А по поводу депрессии? — решился я продолжить разговор.

— Да по-всякому. Такое чувство, как будто каждая секунда моего бытия — это катастрофа.

Он подумал и добавил:

— И совесть мучает.

— По какому же поводу она тебя мучает?

— Слышь, Горе, не говори со мной, как старец у себя в келье с посетителями, ладно?

Я что-то и в самом деле вошел в роль.

— Лады, — говорю. — Так что с совестью?

— Стыдно перед девушками, которых я мучил.

— Ты прямо как наш дед!

Он кивнул.

Дед наш был очень верующим человеком. Молился без устали. Особенно под старость. Вставал в углу под иконой с лампадой и начинал поклоны бить и креститься. Седой весь, сутулый, борода во всю грудь. Бывало, по два часа так стоит. И все повторяет:

— Господи, прости меня за Ефросинью, Лукерью, Степаниду, Алевтину, Серафиму...

И так далее, список был у него длинный. Некоторые имена повторялись чаще других, из чего мы делали вывод о том, какие были наиболее популярны в его молодости.

Каялся он сильно, видно, тяжело наш дед грешил. Многих обманул, многих обидел, многих предал.

— Вот что, Дэн, — меня вдруг озарило. — А давай-ка ты, как дед, стань на колени под Николаем Угодником, помолись да покайся! Дед наш каяться начал когда? Уж под семьдесят! А ты если сейчас начнешь, так до смерти и успеешь грехи замолить!

Мрачно он на меня посмотрел:

— Вставай-ка лучше сам да и молись.

— А вот и встану!

— А и вставай.

— А и встану!

— А и давай.

Я встал под иконой, перекрестился и сказал:

— Господи, прости, пожалуйста, моего брата! Прости за... Дэн, я не помню, в каком порядке... Подскажешь?

— Горе, брось, ты серьезно, что ли? Давай прекращай.

— Нет, не прекращу. Не скажешь, значит? Ладно, я сам, по памяти... Так-так-так...

Я подумал несколько секунд и продолжил:

— Господи, прости моего брата за Наташу, Лену, Яну, Оксану, Катерину, Татьяну, Лиду, Олесю, Аллу, Ольгу, Диану, Анастасию, Веронику, Маргариту, Любовь, Викторию, Ирину, Марию, Анну, Ильмиру, Марину, Милу, Арину, Зинаиду, да помножь некоторые из этих имен на два либо три, а то и на четыре... Дэн, я никого не упустил?

— Упустил, больше половины. А некоторых я и не помню уже, как звали, — зло ответил он.

— А ну что ж, — сказал я, — в таком случае буду просто называть все женские имена подряд, какие знаю, авось не ошибусь!

И я начал, по алфавиту.

* * *

— Дэн, я же знаю, ты хороший!

Это я Дэну заявляю. Он сидит хмурый, собирается на работу. Побрился, причесался, рожа вдруг, как по волшебству, перестала быть опухшей. Надел пиджак, такой приличный сразу стал, мне даже невольно хочется на «вы» с ним перейти.

— Эх, Горе, — отвечает он, — если бы ты знал, сколько раз мне это говорили девушки. Дэн, ты такой хороший. А те, кто узнал меня поближе, больше со мной не разговаривают. Я ведь ни с кем из них, ну кроме одной-двух, и то по ошибке, хорошо себя не вел.

— Ты все равно хороший! Я по глазам твоим вижу! По твоей улыбке!

Он надел туфли, выпрямился, засунул большие пальцы за ремень, посмотрел на меня по-доброму, улыбнулся мило так и спросил:

— Ну и скажи мне тогда, почему я такая сука?

— Я знаю почему! Знаю! — Я ударил ладонью по столу. Отчего-то я очень разгорячился. — Потому что родители тебя предавали и обманывали! Помнишь же! Вот и ты теперь всех предаешь! Чтобы быть первым, чтобы не дать шанса обмануть и предать тебя раньше!

— Горе, а ты, как мне кажется иногда, не такой уж и дурак. Может, вместо меня на работу поедешь? Занятия проведешь?

* * *

А потом была Алина. Милая смуглая девочка с раскосыми глазами и очаровательным смехом. Вот, подумал я, идеальная пара для моего брата! Во-первых, она красивая, во-вторых, загорелая (он любит загорелых), в-третьих, и без макияжа выглядит отлично! Хотя о чем это я, это же не важно все, главное — душа! Хотя брату моему, похоже, нет дела до души, но у Алины и душа была прекрасна. И без вредных привычек. Только курила и пила.

Я прямо обрадовался, когда они начали встречаться, тем более все у них происходило как надо — они гуляли, он ее провожал, сходили даже в кино, посидели в кафе. Видел однажды в городе, как они сидят на лавочке, он ее обнимает, целуются, такие голубки.

Она ему говорит:

— О боже, как это приятно, вот так вот встречаться...

А он ей:

— Я бы, честно говоря, предпочел немного по-другому, но мне тоже приятно. Знаешь, такое чувство, как будто я тебя знаю давным-давно, тысячи лет, и мы так сидели много-много раз. Я узнаю твою улыбку, взгляд, каждый твой жест... Все такое родное в тебе, близкое.

Она улыбается, ей приятно, она льнет к нему всем телом.

Я, чтобы не мешать, прохожу мимо, не здороваясь.

* * *

Она приехала, они пили вино, и у них все случилось. Точнее, она приезжала два раза, в первый меня не было, а второй я частично наблюдал.

Было сумрачно. В ноутбуке звучал Клинт Манселл *Death is the Road to Awe*. Прекрасная музыка, но до чего же печальная! Она спала, свернувшись клубочком под одеялом. Такая милая, как кошка.

Дэн сидел голый за столом, курил и допивал вторую бутылку красного. Он был мрачен.

— Ну ты что? — спросил я. — Что сидишь, как будто жабу проглотил?

— Ох, Горе, — тяжело вздохнул он, — одиноко мне. Ты даже не представляешь как.

— Да что же тебе одиноко! — Я указал на Алину. — Вон какая девушка у тебя!

— Не люблю я ее.

— Да как же! Как же не любишь-то! Помнишь, что ты говорил про нее? Что знаешь ее тысячи лет, что все тебе в нее знакомое и родное? Это, что ли, неправда все было? Флирт?

— Это все правда, Горе. Ни с кем у меня такого не было, как с ней. В самом деле, как будто знаю ее целую вечность.

— Ну и? Ну так как же не любишь?

— Да вот так. Может, в прошлой жизни любил. А в этой нет.

* * *

Еще была Лена. О, она как будто стоит у меня перед глазами! Высокая, нескладная, с черными волосами, собранными на затылке в пучок, и с огромными, немного безумными глазами. У нее был длинный нос и очень острые скулы, поэтому мне мерещилось в ней что-то испанское. Хотя не только мне, она старалась одеваться в латиноамериканском стиле, носила крупные кольца в ушах и учила испанский. В голосе ее звучали грубые, мужские интонации. При всем том она была ужасно привлекательной. Не совсем понимаю, за счет чего, может, из-за легкого безумия.

Была у нее такая привычка — неотрывно смотреть в глаза моему брату. Она садилась напротив и пристально, не моргая, смотрела на него. Его это сильно раздражало.

— Лена, не смотри на меня.

— А когда-то ты любил смотреть мне в глаза, — спокойно говорит она и продолжает смотреть.

Да, у них был страстный, но скоротечный роман. С признаниями, расставаниями и слезами. Но он давно уже остыл, а она никак не хотела с этим смириться. То есть она абсолютно была уверена, вопреки всему, что он по-прежнему влюблен в нее, но зачем-то это скрывает.

— Лена, не смотри на меня!

— Почему? — продолжает смотреть.

— Меня бесит!

Она отпивает из бокала и все равно смотрит.

— Я последний раз предупреждаю, — говорит он.

— И что будет? — Она всегда серьезна. Я никогда не видел, чтобы она улыбнулась.

— Я тебе двину.

— Ну, двинь.

Меня это не встревожило. Я распереживался, когда они подрались в первый раз, бросился разнимать. Они меня послали. Закончилось у них все любовью. Ну раз нравится, то пускай.

— Отвернись, твою мать! — вдруг закричал он.

Она, не вставая, выплеснула вино из бокала ему в лицо. Он медленно вытерся рукой. Потом встал, резко перегнулся через стол и ударил ее кулаком в челюсть. Не сильно так, она даже не упала. Но ощутимо.

— Мудак, — сказала она невозмутимо.

Он дал ей пощечину.

Тут она вскочила и кинулась на него. Хорошо, подумал я с некоторой тревогой, что у нее нет длинных ногтей. Зарезала бы.

Взгляд у нее стал совсем дикий, тут уж все ее безумие вылезло наружу. Я бы на его месте испугался, потому что, судя по ее виду, она хотела его убить. Но он схватился с ней и повалил ее на пол.

— Сука, чертова сука! — рычал он.

— Это ты сука, ты сука, — яростно отвечала она, — убью тебя!

Я встал с дивана и пошел на кухню.

— Боже, как же я тебя люблю, — вдруг прошептала она.

— Отпусти, отпусти, задушишь же! — захрипел он.

— О нет, я тебя никогда не отпущу! Любимый мой!

— Черт, отпусти!

— Только если скажешь, что любишь!

— Хорошо, хорошо! Я люблю тебя!

— О боже!

— Осторожнее, Лена, молнию порвешь!

— Я тебе новые подарю!

— Ты не знаешь размер!

— Я все про тебя знаю, все...

На этом беседа закончилась, и они занялись другими делами. А я вышел в сад. Хорошо, подумал, когда все хорошо.

* * *

— Дэн, возьму машину? На родник хочу съездить.

Есть у нас на даче в десяти минутах езды родник. С целебной водой. Туда съезжаются люди со всей округи. Часовенку рядом поставили, крест, иконы на деревьях поприбивали. А вода и в самом деле вкусная, непростая. Когда пьешь, прямо чувствуешь, как по телу благодать разливается. И вот я решил съездить, набрать несколько баллонов. Ай, думаю, может святая водица поможет нам этот бардак прекратить? Святой Дух многое может!

— А тоже поеду! — вдруг решил Дэн.

Мы сидели с его подругой Полиной. Милая, интеллигентная блондинка неопишущей красоты, кажется, она сошла с обложки какого-то модного журнала. Правда, худая очень-очень. С другой стороны, я знаю, что модели в принципе худые. Но она не модель, что и хорошо, потому что слышал, что все они шлюхи. А Полина — стюардесса. Не знаю, зачем она приехала, ведь она даже не пила и не курила. И спать она с ним не собиралась, у них ничего такого не было, хотя он и пытался.

— И я с вами! — говорит Полина. — Не хочу тут одна сидеть.

— Оке! По коням! — закричал Дэн и вскочил.

И я тоже вскочил и закричал, потому что мне понравилось, как это сделал Дэн — как в кино:

— По коням!!!

Мы в ожидании посмотрели на Полину.

— Можно я не буду кричать? — тихо спросила она.

Мы сели в машину, и Дэн рванул. Он вообще любит быструю езду, когда выпьет. Но дорога к роднику очень плохая. Вся в рытвинах, выбоинах, колдобинах. Быстро ехать не получится в любом случае. Трясет там ужасно, я думаю, Полина сразу пожалела, что поехала.

Тут мы заметили впереди машину, здоровый такой джип.

— Смотри, — сказал Дэн. — Тоже к роднику едет. Давай обгоним его?

— Зачем, Дэн? Здесь дорога плохая.

Но Дэн меня не послушал и втопил педаль. Тут уж нас реально затрясло, я даже головой о крышу ударился. Дэн попытался обойти его слева, но не вышло, он тоже ускорился. Тогда Дэн зашел справа, но и тут не вышло.

— Гад! — закричал Дэн. — Он соревнуется с нами! Ладно, ладно!

Он его почти настиг, поджал сзади. Джип уж не пытался объезжать ямы, а просто ехал прямо, громыхая подвеской.

— Останови машину! — закричала Полина. — Останови машину! Я хочу выйти!

— А-а-а! — закричал в ответ Дэн. — А говорила, что не будешь кричать!

Я тоже хотел попросить его остановиться, мне было жалко Полину, но тут он все-таки стал обходить джип слева. Оставалось каких-то полкорпуса. И тут я тоже заорал, неожиданно для себя:

— Давай, Дэн, давай! Жми, братишка!!!

Такое волнение меня охватило, как будто что-то жизненно важное решается.

— Жму, брат, жму!!!

Но джип не собирался нам уступать. Он гнал во всю свою мощь.

Я бросился на колени прямо в машине. Меня ударило носом о приборную панель, пошла кровь, но мне было не до этого.

— Господи! — закричал я. — Я знаю, ты слышишь меня! Дай нам обогнать его!

Тут меня опять ударило лицом, и я вцепился в салонное зеркало.

И да, он услышал меня. Сквозь тучи проблеснуло солнце, и луч упал на капот нашей машины. В этот самый момент Дэн обошел его. Совсем немного, на полметра, но мы победили.

— Есть!!! Есть! — закричали мы хором. — Мы справились!

— Горе, твои молитвами! Дай я тебе обниму!

Он резко затормозил, так что Полина чуть не перелетела к нам с заднего сиденья. Мы с братом обнялись. Я перепачкал его кровью. Великая все-таки вещь — братская любовь!

— Вы уроды! — сказала Полина. — Я выхожу.

* * *

На родник мы приехали сразу за джипом.

Дэн вышел и направился к нему. Там сидел бледный мужчина и почему-то не выходил.

— Давай, — сказал ему Дэн, — иди первым за водой. Ты раньше приехал.

— Не пойду, — ответил тот и крепче схватился за руль.

* * *

Полина, что удивительно, не уехала. Она осталась до вечера и все сидела напротив брата, как будто ждала чего-то. Разговор у них не клеился. Ему было скучно и тяжело с ней, он понимал, что затащить ее в постель просто так не получится. Я предложил ей вызвать такси, ведь ясно было, что ночевать она у нас не останется.

— Я вам мешаю? — обиженно спросила она в ответ на мое предложение.

— Ну нет, конечно, ну что ты!

Я замахал руками и случайно сбил со стола бутылку виски. Немного разлилось на столе. Дэн поднял бутылку и налил себе полстакана.

— Вы вытирать будете? — Полина кивнула на лужу на столе.

— Нет, — ответил Дэн.

И мы снова замолчали.

Напряженно так было, я нервничал. Полина смотрела куда-то в окно, иногда в телефон, поджимала губы, поднимала брови и бросала короткие взгляды на моего брата. Я прямо как будто видел натянутую нить между ними. Она ждала. Но чего? Этого я тогда не понимал, не понимаю и сейчас.

И тут Дэн сказал:

— А давай я тебе спою? Романс на стихи Лермонтова, а?

— Спой, — тихо сказала она.

Дэн прокашлялся. Отложил сигарету. Помолчал полминуты и в самом деле запел.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездой говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Тут я не выдержал и подключился:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Мы замолчали.

— Мне пора. — Полина встала и направилась к выходу.

— Такси вызвать? — спросил Дэн.

— Я сама вызову. Пока.

— Пока. — Дэн допил виски и закурил.

* * *

Гой еси!

Дело было так. Приехал Артем. Опять привез полный набор. Вместе с ним в наш дом словно вошла армия тьмы. Краски поблекли, и даже обычный свет лампы стал зловещим. В который раз я заметил, что над ним висит крылатая тень и помавает неспешно крылами, как будто пытается удержаться на месте под ветром. Однажды я зажег лампаду и увидел, что слабое пламя ее колыхнется после того, как тень взмахивает крыльями.

И вот он разложил всякое свое добро на столе. Глаза у Дэна загорелись, видно, что хочет он отправиться в путешествие, разорвать оковы и улететь.

— Брат, не надо, — говорю я ему, — плохо же будет наутро тебе неопишимо. Депрессия твоя страшна. Давай я лучше выпью с тобой?

— Нет-нет, — отвечает он, и, хотя и пытается сохранить безразличный вид, в глазах его я читаю сладострастие и одержимость.

— Давай это? — предлагает ему Артем, не обращая внимания на мои слова. Он показывает ему пакетик с белым порошком.

— А что это?

— Скажу коротко — вещь!

— Надеюсь, без геры?

— Честно не знаю. Если и есть, то немного. Но у людей проверенных брал.

Тут меня захлестнула тревога, какое-то дурное предчувствие. Я вскочил и выбежал на крыльцо. «Зачем, зачем они делают это?» — вопрошал я небо. Почему бы просто не пойти погулять к реке, например? Не полюбоваться вечерними пейзажами? Не подышать свежим воздухом со сладкими ароматами цветов и горькими — трав?

Там у реки церковь. И я решил сходить один, потому что не мог смотреть на это омерзительное дело, которому они с таким вожделием предавались. Хорошо еще хоть никаких наркоманок Артем не привез. Но тут я понял, что еще не вечер, они могут появиться.

Тут я как в воду глядел. В общем, отправился я в церковь и помолился там от души, но тревога меня так и не отпустила. А когда я вернулся, дома ждала катастрофа. На крыльце стояла длинная коротко стриженная блондинка с огромными глазами и дико озиралась.

— Артему плохо, Артему плохо! — закричала она, увидев меня.

Я ворвался внутрь и увидел следующую сцену. На диване сидят мои братья с зелеными лицами и ни на что не реагируют. Смотрят в точку, зрачки со спичечную головку, а у Артема слюна капает. И дух в комнате тяжелый стоит такой, все как будто дрожит, трясется и шепот слышится какой-то странный, ползучий такой, как змея:

— Горе, горе, горе...

Я по сторонам оглядываюсь, нет никого. Только блондинка ошарашенная, смотрит так, как будто видит что-то жуткое, и эти двое с зелеными лицами. Я Артема за руку взял, о боже, а он как лед. Дэн такой же, только он вдруг голову поднял и посмотрел на меня бессмысленно.

И тут вдруг снова дрогнуло все, как будто видеокарта сбоит и картинка на экране трясется, прошла по комнате рябь, и покатило тихо:

— Горе, горе, горе...

— Мне страшно, мне страшно! — вдруг закричала блондинка. И задергалась вся, поворачивается сразу во все стороны, как будто ее, как куклу, за ниточки кто-то дергает.

Тут я голову поднял и увидел его.

На потолке шевелится плавная тень, и распростерла над нами крылья. Оцепенел я от ужаса, шевельнуться не могу.

И тут вспомнил, что надо делать в таком случае. У меня, конечно, нет сана, и права нет, и вообще непонятно, как я посмел. Но что было делать? Я боялся, что конец моим братьям и души их заберет Сатана.

Я бросился к ноутбуку и стал искать церковный ритуал изгнания бесов. Были там где-то слова отчитки, я уже видел их однажды, страшные такие слова, от одного взгляда на которые озноб по телу идет.

Я наконец нашел, схватил ноутбук и вместе с ним встал над братьями.

— Ты что собираешься делать? — спросила меня блондинка.

— Изгонять бесов, — сурово ответил я.

— Боже, а ты чего съел?

— А мне не надо ничего есть, ибо со мною благодать божья! — резко сказал я.

— Ужас, ужас, ужас. — Она обхватила голову руками и опустила на корточки.

И словно ей в ответ прокатилось:

— Горе, горе, горе...

Тут я стал читать. И с первого же слова меня пронзил холод, как будто ледяные иглы втыкают мне в кожу. Руки задрожали, так что я чуть ноутбук не выронил, и не по себе стало слов нет как.

— Боже богов и Господь господствующих, в мудрости своей создавший небо, землю и все, что в них, и силы бесплотные. Тебя не видел никто из людей и видеть не может. Перед Тобою трепещет и Тебя страшится все творение Твое. Ты некогда низверг на землю и в глубины преисподней главу небесных сил, гордостью вознесшегося и непослушанием оставившего свое служение, и оступившихся с ним ангелов, ставших бесами. Дай заклинанию этому, совершаемому во Имя Святое Твое, быть стеною для него, злом по высылителя, и для всех помощников его, павших с ним с высоты света. И обрати его в бегство, повели ему покинуть человека, которого по образу Своему Ты сотворил, да не наносит ему никакого вреда. Пусть те, над кем творится крестное знамение, примут силу наступать на змей и скорпионов и на всякую силу вражескую без ущерба для себя, как Ты повелел...

Эти древние слова вдруг заполнили пространство комнаты, словно шумящий поток, и загремели, и ударили, и сотрясли. И тут Артем вскочил и закричал не своим голосом, а потом упал обратно на диван, и изо рта его пошла пена.

— Мать свою, — очнулся Дэн.

Он поднялся и стал хлестать Артем по щекам:

— Артем! Артем!

Вышло солнце, и в комнате посветлело.

— У-у-ух, — сказал Артем.

Он вытер лицо ладонью и дико огляделся. Потом посмотрел на меня, я все еще стоял над диваном с ноутбуком.

— Что тут происходит?

— Экзорцизм! — рыдая, сказала блондинка. — Он изгнал из тебя беса! Я сама видела!

— Ну вы больные, — сказал Дэн. — У Артема просто передоз случился.

— Бесы, блин, — помотал головой бледный Артем. — Горе, ты что принял, пока я тут залипал?

— А ему и не надо, — сказала блондинка. — С ним благодать божья...

* * *

У моего брата было несколько девушек по имени Мария. И все как одна были сексуально озабочены. Не знаю, в чем дело, в имени или еще в чем. Но вот именно Маши были самые страстные его подруги.

Одна из них особенно запомнилась мне своей красотой. Она была невысокого роста, стройная, с длинными густыми волосами и лицом как у какой-то голливудской актрисы. Брат мне говорил, что она, правда, вся в татуировках ниже шеи. Это я не одобряю. Зачем уродовать данное нам Богом?

Но больше всего мне нравились ее глаза. Они были идеальной формы, и я поражался, глядя на это сочетание разреза, ресниц и бровей, — все это так подходило друг к другу, как будто нарисовано художником.

Глаза у нее были синие. Темнее неба. Я смущался ее взгляда, но не потому, что он был каким-то очень умным или пронизательным, а только из-за ее красоты.

В общем, Мария. Она была одна из немногих, с кем Дэн не пил и перед чьим приездом он не напивался. Едва она входила, как они сразу начинали обниматься, целоваться, он ее раздевал прямо в прихожей, и они блудили — часто у зеркала, чтобы видеть себя со стороны.

Они особо даже не разговаривали. На ночь она никогда не оставалась, потому что у нее кто-то был. Никаких чувств она к нему не испытывала. Дэн мне однажды показал СМС от нее: «Ты самый классный в постели!»

Это были единственные теплые слова, которые она ему сказала за все время их общения. Ей и в самом деле больше ничего не нужно было от него. И ему от нее тоже.

— Горислав, ты даже не представляешь, какая меня дикая страсть охватывает, едва я ее вижу. Меня прямо трясет всего...

— Так ведь нет в этом ничего, кроме греха, — настаивательно сказал я. — Никакой духовности.

— Так мне ведь это и нравится. Боже, как люблю грешить! О-о-о, Маша!

И он закатил глаза в истоме.

* * *

— Знаешь, Горе, самое неприятное, что все заканчивается. То есть вот ты веселишься, веселишься что есть сил, но всегда наступает похмелье. И именно в этот момент, а не в момент веселья, ты со всей остротой ощущаешь реальность. Она прямо-таки трогает тебя. А то,

что было ночью, кажется зыбким и как будто в тумане. И вообще сомневаешься, было ли?

Это мне Дэн с утра сказал. Сидит такой унылый с чашкой чая, сотрясает его мелкая дрожь.

— Все временно, — отвечаю я. — И похмелье твое пройдет!

— Да вот не думаю! Подозреваю, что оно-то как раз настоящее.

* * *

Была у него девушка... Прости, Господи, забыл как зовут! Вот, надо же... Как же я теперь буду грехи Дэна замаливать и подавать записки за здоровье? Что же, придется хоть как-то ее называть. Пускай будет «девушка», которая громко кричала».

Вот это правда. Как-то она приехала к нему. Он ей вина предложил, то да се, а она:

— Слушай, давай в постель, а?

У него бровь поднялась немного, не привык он к такой прямоте от женщины.

— Ладно, — говорит. — Душ там.

В общем, занялись они этой богопротивной суетой. А она вдруг как закричит, так что в ушах зазвенело. И опять, и опять, никак не замолкнет. Что такое, думаю, уж не убивает ли он ее? И я бросился по ступенькам вниз.

— Что, что случилось? — спрашиваю.

Она увидела меня, вскочила и еще громче кричит:

— Это кто?! Дэн, это кто?!

— Да успокойся, — сказал он, — это брат мой. Не бойся, он немного отсталый.

— Отсталый?! И что ты мне не сказал, что не один? Он не набросится на меня?

— Нет, его не интересуют женщины.

И это они все при мне обсуждали, как будто я не человек, а дверь.

Короче, я ушел. Через некоторое время она опять начала кричать. Как бы, думаю, соседи полицию не вызвали.

Потом, когда уехала, я спрашиваю у Дэна:

— Слушай, а чего она так кричала? Ты бил ее?

— Да нет. Это она от страсти, бывает такое. Мне в принципе даже нравится, когда девушка показывает страсть.

Он покурив задумчиво и добавил:

— Но не до такой же степени! Я чуть не оглох.

В общем, он решил с ней не встречаться. Написал ей однажды, когда она хотела приехать: «Извини, мы не будем больше встречаться. Я плохой и никого не люблю». А она ответила: «Да при чем здесь любовь? Я к тебе не за этим езжу».

* * *

Дарья была похожа на негритянку. Черноволосая, очень смуглая, с большими сочными губами. Но на самом деле она была армянка. Юная и страстная. Ей очень нравился мой брат, и она поддавалась на его уговоры приехать даже тогда, когда у нее появился молодой человек. Она знала, что ничего хорошего у нее с ним выйти не может, он уже успел зарекомендовать себя с ней как конченный подонок.

И вот как-то она приехала и села напротив него. Он пьет, она сидит и курит длинные тонкие сигареты. И подшучивает над ним, смеется. Смех у нее был как у ребенка, звонкий такой, задорный. Вообще я замечал в ней очень много ребяческого.

— Еще одна смешная шутка в таком роде, и я тебя изнасилую, — вдруг сказал брат.

— Да куда там тебе! Ты уже и не встанешь. Ничто не встанет!

И она залилась, заискрилась радостным смехом.

Тут он в самом деле вскочил и бросился к ней вокруг стола. Стал стаскивать с нее джинсы, она сопротивлялась, но с таким издевательским смехом, что это его еще сильнее бесило. Она вырвалась и побежала от него, он за ней. Я, не в силах наблюдать эту комедию, ушел на кухню.

Тут вдруг слышу, она закричала:

— Ай! Я об подоконник попой зацепилась.

Да, подоконники у нас в опасной близости от стола. Там эркер и сразу три подоконника.

— Черт, смотри, какая царапина, до крови, — уж без смеха сказала она.

— Дай-ка, посмотрю, — отвечает брат.

Тишина. Потом слышу:

— Сейчас поцелую, и все пройдет.

— Поцелуй.

Началась какая-то возня. И тут холодок такой пробежал по моему телу, и горечь схватила сердце, и волнение обуяло разум, что я понял — я тоже, я тоже хочу целовать поцарапанную попу! О боже, тут же я сказал себе, как не стыдно тебе, Горислав! Что ты думаешь такое, проклятый похотливый грешник! В геенну огненную захотел? А кто же тогда будет молиться за эти падшие души, за братьев твоих?

Я немедленно бросился на колени и ударился лбом о холодильник. Ничего, ничего, сказал я себе, это даже хорошо — те, кого Господь наказывает в этой жизни, будут меньше мучиться в той!

Я включил плиту. Как изгнать похотливые помыслы? Есть, есть способы!

— Я тебя люблю, — сказала Даша Дэну.

— А я тебя нет, — ответил он.

— Господи, какая же ты сволочь!

— Да, — скромно согласился Дэн. — Тебе не кажется, что горелым пахнет?

— Кажется. Но давай не будем останавливаться?

Терпи Горислав, терпи. Слезы брызнули из моих глаз, моя ладонь на правой конфорке, я должен терпеть.

Господи, прости мне прегрешения мои, прости мне мои гадкие мысли! И дай счастья моему брату...

Четыре, пять, все!

Я отдернул руку. Часть кожи осталась на плите — вместе с похотью.

* * *

После этого случая рукой я пользоваться не мог, у меня вместо ладони был один страшный волдырь. Когда Дэн увидел это, он настоял на поездке в травмпункт. Он строил догадки, но я не мог рассказать ему, что все это из-за вожделения к его девушке. Как можно, он же брат мой.

— Горе, а может, ты сделал это, чтобы не было желания рукоблудствовать? — спросил он, пока мы ехали в машине.

— Нет, не думал об этом, — признался я.

Но втайне возрадовался — истязая себя, убил двух зайцев: и наказал себя, и обезопасил надолго от других искушений.

* * *

А вот еще и Маргарита. Почему я вспомнил о ней? Вот почему. Познакомились они на работе. Сходили в кино. А потом она, как и следовало ожидать, приехала к нему. Деталей я не знаю, он мне сам рассказал.

— Горе, — сказал он, — знаешь, что очень трогательно в девушках?

— Дэн, по мне так в них трогательно все!

— Это ты сейчас сильно сказал... Трогательно все! Да...

И он задумался.

— Дэн, ты меня, наверное, сейчас неправильно понял...

— Ладно, неважно. В общем, раздеваемся. И тут я вижу, что девушка вся в каком-то таком особом белье, в офигенных чулках, трусики, бюстгальтер не какие-нибудь там заурядные, а такие, что глаз не отвести.

— Ну и?

— Вот это и трогательно. Хочется сразу эту девушку на колени к себе посадить, по голове погладить.

Маргарита долго ждала продолжения общения. Но не дождалась. Стала встречаться с какими-то сомнительными личностями и пить. И иногда писала Дэну у

таким духе: «Сегодня я напилась и заснула на тележке для багажа на вокзале. И кто-то со мной сделал это». Он отвечал односложно и равнодушно, вроде: «Мм, надо же!»

Потом она вышла замуж.

* * *

Сидели с Дэнном в кафе. С ним была Оксана. Очень высокая, с длинными волосами и преогромными ресницами. Я все боялся, что она ими стакан с коктейлем заденет. А она еще хлопала ими так нарочито, в сторону Дэна, как будто сейчас взлетит и на коленку ему сядет. Ласково руку протягивает:

— Потрогай, Дэнчик, какая у меня кожа. Я пилинг сделала!

Он трогает.

— Да, — говорит. — Нежная.

Тут она ногу на ногу закидывает, так чтобы юбка задралась и всем видно было. И следит, смотрит ли Дэн на ее ноги. И ресницами хлоп-хлоп. Дэн на ноги посмотрел:

— Поедем к тебе сегодня?

У нее настроение сразу испортилось.

— Так, да? — говорит. — Не писал мне, не звонил, а как увидел, так сразу в гости захотел?

Между нами Дэн называл ее исключительно сукой.

Тут я вижу, поднимается из-за столика в другом углу кафе девушка, знакомая будто. Смотрю — так это же его бывшая, которая на испанку похожа, Лена. Идет к нам.

— Дэн! — зову я. — Дэн!

И головой в ее сторону киваю. Но он не реагирует.

Лена подошла — и хрясь ему по лицу ладонью. Дэн от удивления застыл, не знает, что делать, глядит на нее молча.

А она развернулась и красивой походкой пошла обратно. Оксана хохочет. Официанты замерли в растерянности, не знают, что предпринять. Все посетители смотрят на нас.

Потом Дэн получил эсэмэску: «Еще раз с другой увижу, убую!»

* * *

Однажды на даче была такая сцена. Стояла над ним девушка, вся белая от злости, и орала на него. Глаза круглые, взгляд свирепый. Видно, что ненавидит она его всей душой и едва сдерживается, чтобы не ударить. Он сидит, в окно смотрит, курит.

— Ты урод, урод, понимаешь? — кричит она. — Ты посмотри на себя! Ты видишь, какой ты урод?

И руки у нее трясутся, она в истерике.

Я не знаю, что делать. Бедная, думаю, до чего он тебя довел.

А она продолжает, совершенно не может успокоиться. Орет на него уже матом.

Дэн докурив, сигарету в пепельницу положил, вскочил, за шею ее схватил и на диван бросил.

— Все, заткнись, сука, — сказал он. — Раздевайся.

Вид у него бешеный стал, скулы напряглись, в глазах ярость. Ну, сейчас двинет ей, думаю.

Она замолчала сразу и сжалась как-то, от страха, должно быть. Посмотрела на него робко и решила: будет бить. Стала торопливо раздеваться. Тут я вышел.

Слышу, взвизгнула она тихонько — взялся он за нее. Некоторое время вроде тихо, потом он:

— Ну как тебе? Приятно?

Она не отвечает. Вдруг звук такой звонкий, как будто пощечина.

— Я спросил, приятно?

— Да, — шепчет она.

— Я знаю, — говорит он.

Потом опять ничего не слышно.

— Скажи, что любишь меня. — Это Дэн.

Тишина.

Звук пощечины.

— Ну? Любишь?

— Да, — шепчет она, плача.

* * *

Вроде бы хватит уже, говорю я сам себе, хватит уже этих гадостей, всяких этих мерзостей развратных, историй о том, как мой брат кого-то использовал. Но вот не могу пройти мимо Аллы, хотя их история началась давно и уже закончилась. Тем не менее он ее помнил.

Она работала стриптизершей. Была студенткой, а ночами в клубе танцевала стриптиз. Я видел, как она извивалась на шесте, порхала по нему, словно бабочка, жалась к нему, будто к любимому. И это не вызывало во мне похоть — я понял тогда, что и это может быть искусством, ну вроде балета. Хотя балет мне меньше понравился.

Был у нее недостаток: она постоянно нюхала кокаин. И каждый раз, нанюхавшись, вдруг начинала рассказывать моему брату о том, как она любит какого-то Сашу, которого он так никогда и не увидел.

— О, — говорила она, шмыгая, — Саша такой романтик, такой романтик! В отличие от кое-кого...

Тем не менее брата она часто приглашала, и он к ней ездил.

Она была красивой во всем. И, несмотря на стриптиз и наркотики, неуверенной и робкой, как маленькая девочка. Да, я видел, что она маленькая девочка. Она

очень хотела рядом сильного мужчину, который ей одновременно заменял бы отца.

В общем, хотя они и встречались, она его не зацепила. У Дэна так всегда было: или все, или ничего. Или — влюбился не могу, или — не понравилась. За редкими исключениями.

Как-то утром они вышли из подъезда ее дома. А там гуляла маленькая девочка с мамой. Увидев Дэна, она побежала к нему с криками:

— Папа, папа!!!

— Это не твой папа, — сказала мама и увела ее.

Алла засмеялась:

— Дэн, ты когда успел?

А Дэну было приятно. Он вдруг захотел, чтобы такая малышка в самом деле была его дочкой.

Она, кстати, и познакомила Дэна с экстази. Как-то она забрала его на машине из школы, где он работал, и повезла к себе домой. Она любила быструю езду и гоняла на своем альфа-ромео сто шестьдесят по городу. И даже как-то сбежала от догонявших ее гаишников. Так вот, заехала она, он сел, и они помчались. Ветер в окна, ее золотые волосы развеваются по всему салону, и зеленые глаза, большие, как аквариумы, глубокие, смотрят на него постоянно, а не на дорогу, и переливаются морской волной.

— Хочешь экстази? — спросила она.

Дэн испугался, все-таки наркотики, а он тогда был еще очень правильным и вообще застенчивым таким, не смел даже сказать, чего хочет, а чего нет. Но согласился.

Он съел, и тут-то они встали в пробке. Это не входило в ее планы, она рассчитывала привезти его домой как раз к тому моменту, когда у него начнется эйфория. И она началась, в пробке. Хлынул ливень, по стеклам лило, дворники размазывали красные огни. А Дэн сидел и не мог поверить, что бывает так хорошо.

В общем, когда она его довезла, ему было совсем не до нее. Он долго сидел на диване, глядя перед собой и куря одну за другой, а она легла спать.

В какой-то момент Дэну надоело, и он перестал с ней встречаться. Она пообижалась, конечно, пообижалась, в итоге вышла замуж за иностранца и уехала в Португалию.

А потом вернулась в Россию. И стала регулярно слать ему фотографии своей дочери. Уж не знаю, за чем, дочь у нее никак не могла быть от Дэна, ей два годика, а расстались они давным-давно.

Он ей писал в ответ, что она надоела ему уже со своей дочерью, и ему совершенно неинтересно на нее смотреть. Но она продолжала.

Дэн мне недавно показал очередное ее письмо. Смотри, говорит. Опять. Я посмотрел: милая такая де-

вочка. Очень похожа на Аллу, с золотыми волосами и большими зелеными глазами.

* * *

А еще была Вероника. Не могу не упомянуть о ней. Потому что она одна из редких, в кого Дэну влюбился. Но история у них вышла некрасивая. Как, впрочем, все эти его истории. Невысокая блондинка с большими и голубыми, как чистое небо, глазами. Мне казалось, что если долго смотреть в них, рано или поздно по радужке проплывет облако. Она была взрослая уже, почти ровесница Дэна, но вела себя с ним как маленькая девочка.

— Горе, — говорил мне Дэну, — знаешь, я когда голос ее слышу по телефону, хочу ее ужасно, не могу. Это кошмар какой. С ума схожу. Прямо набросился бы.

Но что-то у них не заладилось. Она руководила какой-то фирмой, связанной с торговлей на фондовой бирже, и часто ездила в командировки. И в этих командировках случались у нее романтические свидания. Как-то приехала она вся в засосах.

— Дэну, — сказала она, глядя на него тревожно своими небесными глазами, — это не то, что ты думаешь, это не засосы!

Однако это были засосы, а Дэну прекрасно разбирался в засосах.

— Ладно, — ответил он. — Я и не думаю ничего такого.

После этого он тоже стал ездить в командировки. На самом деле он сидел дома, а ей говорил, что уехал. Звонит она, например:

— Дэнич, на выходные приедешь?

— Не могу, опять в командировку уезжаю!

— Опять?!

— Опять!

И тогда проявилась вся ее ревность. Ни капельки не поверила она, что он в командировках. Была уверена, что встречается он с другими девушками.

Потом как-то на почве ревности она хотела ему глаз выколоть. Чтобы не нравился больше никому. Да только у нее не вышло, к счастью.

* * *

Как же не вспомнить про Катю! Отдыхали мы как-то с Артемом и Дэном в пивном баре. Пили пиво. Они там с утра сидели, а я позже присоединился. Когда я приехал, они уже веселые такие, пьяные. Разговаривают о женщинах, в обычном своем, безобразном стиле. Артем рассказывает про какую-то свою актрису знакомую. И вдруг говорит:

— А давай я ее приглашу? А?

— А давай! — согласился Дэн.

И вот спустя час примерно приезжает Катя. Волосы выются, глаза черные, уверенная. Ведет себя спокойно, видно, что много она всяких мужчин перевидала и ее ничем уже не удивишь. Чмокнула Артема в щеку и села на свободное место рядом с Дэном. Руку ему протянула:

— Привет!

И тут уж между ними что-то промелькнуло. Это точно, я как будто увидел, как их некая сила, вроде магнитной, притягивает друг к другу. Хотя внешне это никак не проявилось. Мы заказали еще пива и стали болтать о том о сем. Помню, весело было. Все смеются, Дэн в отличном расположении. В какой-то момент Артем говорит:

— Я поссать!

Вышел он, а Дэн с Катей продолжили о чем-то вдвоем говорить. Сидят рядом, смотрят друг другу прямо в глаза. Говорят, говорят, а между ними нарастает какое-то напряжение. И вдруг Дэн потянулся к ней и поцеловал ее. И стали они целоваться, горячо так, как будто не на людях. Продолжалось это, пока Артем не вернулся.

А потом все поехали к Дэну домой. Сели за стол на кухне. Сидели, сидели, потом Дэн взял Катю за руку и говорит:

— Пойдем, квартиру тебе покажу.

И решительно так повел в комнату, как будто это девушка его. Слышу — возня началась, он ее раздевает.

Ладно, мы с Артемом на кухне, пьем пиво. Тут слышу, ее голос шуточный:

— О, ты хочешь так?! Хорошо, мой повелитель!

Всю ночь они занимались этим делом, стонали, кричали, ругались, а я спать пытался на диване в прихожей. Под утро слышу:

— Дэн, я не могу больше. Болит все... Давай поспим?

— О'кей! — отвечает он. — В таком случае я займусь онанизмом.

Неделю потом Дэн ходил сам не свой, все ждал новой встречи.

— О, — говорил он, — такой страстной девушки у меня никогда еще не было! Никогда!

Но следующий раз оказался совсем не таким.

* * *

Ну что же, мне кажется, я рассказал достаточно богопротивных мерзостей, которые мы тут вытворяли. Уже по одному этому, я думаю, можно представить, в каком пороке погрязли мои братья. Да и я грешный, в самонадеянности своей желая помочь им, сам увяз. Надеюсь, общая картина теперь ясна, хотя я мог бы рассказать еще многое! Учитывая, что это тянулось годами, было ясно, что скоро должен наступить конец. И в

самом деле, настало время расплаты. Дэн, да и я в каком-то смысле поплатились.

Я перехожу к событиям последних дней.

Была у Дэна ученица, Марина. Она уже давно перестала быть его ученицей, повзрослела, поступила в университет, устроилась на работу. У них случилась какая-то история, о которой я не знаю подробностей, но, в общем, она в него влюбилась. А он как обычно нет. Знаю, что она вроде несколько раз пыталась как-то встретиться с ним. Он тоже иногда, по своему обычаю, когда пьяный был, приглашал ее приехать. Но то он передумывал, то она, и так это тянулось несколько лет. И я думаю, что они никогда бы уже не встретились, если бы Марина не предложила привезти экстази. Конечно, можно было и у Артема раздобыть, но это совсем другое.

— Боже, — сказал тогда брат, показывая ее старые фото, — смотри, какая она была чудесная девочка! Какая дивная десятиклассница... Нравилась мне безумно. Какие глаза, улыбка... А теперь?

Мы стали смотреть ее фотографии в «ВК» и в Инсте.

— Что скажешь, Горислав?

Ну что я мог сказать? Изменилась она, конечно. Много я девушек Дэна перевидал, и тут одного взгляда было достаточно, чтобы понять: девчонка плохая и употребляет всякие вещества. Волосы выкрашены черт знает во что, кольцо в носу, одета в какие-то непонятные балахоны. Ну и вообще, выражение лица стало другое, всякая милота пропала.

— Вижу, — наконец сказал я, — что она выбрала стезю порока.

— Это ты красиво сказал, — кивнул Дэн. — Умешь!

— А может, это из-за тебя? От отчаяния пустилась во все тяжкие?

— Нет, — он покачал головой, — не думаю. Просто связалась с плохой компанией. Или натура такая, творческая. Тянет к плохому, хочется нарушать правила.

В общем, Дэну все равно было, приедет она или нет. Его прельщала только перспектива съесть с ней экстази.

* * *

Когда она приехала, я обнаружил, что она совсем не такое исчадие ада, как мне представлялось по фото. Что ж, явно, что создание падшее, но, заглянув в ее глаза, я понял, что шанс есть. И заметил, что взгляд у нее очень умный, глубокий такой, проникновенный. Подозреваю, что это Дэну и понравилось больше всего.

Была ли она красивой? Вообще-то нет. Но что-то такое светилось у нее внутри, горел какой-то пламень, и это притягивало.

Дэн, конечно, был уже не совсем трезв. Я не следил, но думаю, он выпил три литра пива.

Они сели за стол, и он сразу перешел к делу:

— Давай съедим.

Она достала какие-то фиолетовые таблетки, и они приняли. В ожидании эффекта они пили пиво и болтали о чем-то.

Вдруг спустя где-то полчаса Дэн сказал:

— Ого!

— Ну, как тебе? — спросила она.

— Весьма!

Я и сам видел, что весьма, потому что зрочки у них расплзлись во всю радужную оболочку. Брату стало хорошо, очень хорошо — я понял это по его бессмысленному виду. Как будто душа покинула его и осталось только тело, тело, полное эйфории.

Он был бы явно еще не прочь посидеть, поболтать, но в более интимной обстановке, а не на кухне, и предпочел подняться наверх. Она поняла это как намек и пошла в душ.

Ну дальше все было как обычно. Они впали в кому, в беспамятство, обнимаясь и целуясь, прерываясь только для того, чтобы покурить. Тут хочу заметить, что Дэн ни в чем не знал меры. Он мне рассказывал, что античные философы учили: «Всему мера!» Так это вообще не про него. Курить под экстази приятно, и уже если он садился курить, то мог подряд выкурить полпачки, так что его чуть ли не силой приходилось обратно в постель тащить.

В общем, сидел я и слышал их глубокие вздохи, пока они предавались разврату.

И вдруг слышу:

— Моя девочка, моя плохая девочка, какой у тебя приятный голос...

— Спасибо, — ответила она.

И потом вдруг:

— Моя любимая...

Я тут чуть не подскочил. Эге, думаю, чего это он такой нежный? Из-за наркотики, что ли?

Ну потом действие таблеток прошло, и они стали курить траву. Дэна эта трава немного ошарашила: он стал очень молчаливым и задумчивым. А на нее мне было грустно смотреть: он был прав, она стала плохой девочкой.

Так и встретили они утро: укуренные и малообщительные.

А утро было печальным. Серое, холодное, дождливое. Дэн впал в тяжелую депрессию, он не находил себе места и ходил взад-вперед по дому. Ему было неуютно, он хотел остаться один, спрятаться в скорлупе.

Марина предложила ему покурить, он отказался — если Дэн в депрессии, то он ничего не хочет, толь-

ко остаться одному. В конце концов он отправил ее, да и я тоже уехал, чтобы не раздражать его.

Ехал в электричке в Москву и думал: зачем, Дэн, зачем ты делаешь это с собой и с ними? Всю дорогу я молился о Дэне и о Марине и крестился каждый раз, проезжая мимо церкви. А небо было низким и тяжелым, и ни один лучик не мог пробиться сквозь его завесу.

* * *

Она потом хотела приехать еще раз, через пару дней. Но в итоге они увиделись только через две недели. И вот Дэн, всегда такой спокойный и равнодушный, начал волноваться все сильнее по мере того, как приближался день ее приезда. Он вдруг потерял уверенность. Он понял, что она ему очень нравится. Впрочем, это не мешало ему вести себя по-обычному.

И когда она приехала, опять началось все то же самое. Дэн был нетрезвый, Марина привезла фен, они нанюхались. Даже погода была такая же, и небо было серое, плакучее, и зелень в лесу как будто поблекла. «Мир не предвещает вам ничего хорошего», — подумал я тогда.

— Ну, как тебе? — спросила она, имея в виду амфетамины.

— Неплохо, — ответил он. — Знаешь, — вдруг сказал он, очень прямо и откровенно, — ты мне очень нравишься. Я мечтал о тебе эти две недели каждый день. И вчера стал надеяться, что ты не приедешь.

Она немного растерялась от такого заявления.

А он не стал вдаваться в объяснения. Наблюдая за ним в последние дни, я уже понял, что с ним случилось самое неприятное для него — он влюбился. Все это видно. Я бы с уверенностью даже сказал, в какие моменты он думал о ней — у него взгляд какой-то потерянный становился.

Он коснулся ее руки.

— Как приятно, — сказал он. — Какая приятная у тебя кожа.

Она улыбнулась ему.

Честно говоря, я в эти нежности и признания под наркотой не очень верю. Видел уже много раз, знаю. Но когда Дэн врет, даже под наркотой, у него выражение лица такое подлое становится, хитрое, глазки лживо блестят. В этот раз он был искренний.

В общем, Марина предложила сыграть с ним в карты на раздевание, чтобы как-то уж перейти к постели. А Дэн вообще, как, наверное, уже давно стало ясно, очень большой был любитель и ценитель постели, но вот только не под феном. Под феном он хотел общаться и

слегка ласкаться — соблюдая дистанцию. Короче, она вскоре все равно добилась своего, и я ушел на кухню. Пока она ходила в ванную, я успел заметить, что у нее полно татуировок. Плюс к этому уже виденные мной пирсинг и розовые волосы!

М-да, думал я, сидя на кухне и попивая чай, да она же совсем плохая. Что ему в ней? Вот в Иваново, где монастырь, сколько хороших девушек! Пригожие, в платках, рукодельницы! В церковь ходят каждую неделю, не пьют, не курят... А эта? Ох, Дэн, Дэн, ты же был таким хорошим мальчиком с большими печальными глазами!

И словно в подтверждение моих слов вдруг слышу:

— Моя плохая девочка...

— Да, я очень хочу быть твоей плохой девочкой.

С утра, что любопытно, Дэн был не очень мрачен. Он сидел за столом, веселился, курил. Они общались о чем-то. Он был разговорчив и нес ей что-то про своих бывших и про литературу. В какой-то момент речь зашла о Джеке Керуаке.

— Люблю Керуака, — говорит он. — Смотри, какой он клевый!

И показывает ей фотографии на ноутбуке. Ей, похоже, он не особо интересен. А может, ей было обидно, что он говорит это про Керуака, а не про нее.

— А я всегда люблю посмотреть на Керуака, особенно когда выпью, — продолжает он. Тут он, видимо, понял, что это очень двусмысленно звучит, и пояснил на всякий случай: — Он просто классный писатель.

— Что-то мне не очень, — отвечает она. — Я полежу.

— Ок, — кивает он. — А я пока посижу, посмотрю на Керуака.

Она обиделась. Это стало понятно, когда спустя какое-то время он присоединился к ней и попытался ее обнять.

А потом они опять развратничали, и, судя по тому, что я слышал, им было классно. Но вдруг что-то произошло. Дэн сел на кровати и, повернув к ней лицо, сказал: — Тревожно мне. Тревожно.

И в самом деле, видимо, так ему было тревожно, что он, когда говорил это, даже заплел ее лицо. Ну что же, она утерлась и отвечает:

— А сигарет больше нет?

Сигарет не было. Были только тоска и тревога. Дэн метался по дому и саду, и я понимал, что лучше нам уехать. Ее он отправил раньше — и ему немного полегчало. Нашел, правда, перед этим где-то пачку сигарет для нее. Потом он ушел в душ и долго стоял там, разговаривая о чем-то с самим собой.

А я сел за стол. Развернул к себе ноутбук и вдруг увидел Керуака. Несколько фотографий. Вот он молодой, у него глубокий проникновенный взгляд. Вот он около сорока, лицо одутловатое, обвисшее, живот. В глазах — тяжелая тоска. Вот он пьяный, хохочет, приставил рюмку к виску, как будто по-военному отдает честь. А вот он опять незадолго перед смертью, смеется. Смех такой простой, детский. Посмотри, как человек смеется, и тебе все станет ясно.

Ну что же, подумал я. А ведь он и в самом деле классный. Теперь я тоже люблю Керуака.

Продолжение следует.

